

Завтра наденьте свою форму Отряда самообороны и найдите меня в доке мехов, хорошо?

Благодаря выставленным на максимум функциям «камуфляжа» и «невидимости» всё вокруг растворилось, остался лишь огромный увеличивающий изображение монитор. Реалистичность транслирующегося на триста шестьдесят градусов стереоскопического изображения оказалась выше всяких ожиданий, творя безупречную иллюзию: те самые космические пираты и гвардия принца Кэли, от которых они удрали в этот глухой угол, предстали прямо перед обитателями станции, жаждая их крови!

Даже в эпоху Нового звёздного календаря космос считался весьма опасным местом. В этих экстремальных условиях своими тайными тропами рыскали контрабандисты. Всякий раз ставя голову на кон [1], они понимали, что любой рейд может стать для них билетом в один конец — что уж говорить о межзвёздной войне... Однако их противники явно не считали, что беспорядочные стычки достойны этого громкого слова.

Но для обычных людей, которые не получили профессиональной подготовки и не могли рассчитывать на мощную поддержку Эдема, оказаться в космическом вакууме без духовной сети было всё равно что умереть — подобная душевная травма наградила их непреходящими фобиями и чувством глубокой тревоги; потому-то Отряд самообороны взбунтовался, едва ступив на твёрдую землю. Вспышки раздражения и гнева нередко свидетельствуют о попытках скрыть свои страхи — они способны вызвать свирепый оскал даже у самой трусливой из крыс.

[1] Ставя голову на кон — в оригинале 拚死 (nǎodai bié zài kù yāodài shàng) — в пер. с кит. «прикрепить голову на пояс» — идиома, обозначающая «рисковать своей жизнью».

В тот же миг неотличимая от реальности картина воздушного налёта сыграла роль фитиля, воспламенившего все эти подавленные страхи и беспокойство. Среди «революционно настроенных масс» наиболее яркими бузотёрами были те, в ком ужас укоренился глубже всего — бóльшая их часть тут же ударилась откровенную панику, прыснув во все стороны в поисках угла, где бы схорониться. Однако, хотя под воздействием чипа тесно обступившие их здания «растворились в воздухе», на самом деле они никуда не делись, а потому обезумевшие люди тут же налетали на невидимые стены; в замешательстве не понимая, что встаёт у них на пути, они вновь и вновь бились о прозрачные препятствия, в исступлении воя, будто загнанные в клетку звери.

Как известно, в толпе сильные эмоции распространяются подобно поветрию, а потому пришедшая громить здание администрации колонна мигом поддалась панике. Кто-то в смятении схватился за голову, кто-то опустил на корточки, дрожа всем телом, а кто-то отчаянно звал кого-то по имени; спотыкаясь, люди пытались по памяти найти путь, падали на бегу, натываясь на преграды, и судорожно шарили по ним в поисках выступов, с помощью которых можно было бы перелезть через эти стены...

Ну а кто-то просто срывал голос, вопя:

— Мама!!!

Транслируемый стереоскопическим монитором ролик был снят системой дорожного видеонаблюдения во время бомбардировки Пекина-β. Камера смогла заснять падение реактивных снарядов благодаря тому, что располагалась у отдалённого морского порта в южном полушарии, до которого вообще редко кто-либо добирался. В действительности большинство жителей Пекина, как и Пенни, не могли видеть, как их планета погружается в

огненный ад: они бесшумно исчезли во вспышке этой преждевременной весны, их смерть была мгновенной и мирной, будто они в один момент просто вышли из не слишком интересной голографической компьютерной игры.

На самом деле эта апокалиптическая картина была крайне низкой по разрешению — от силы размером с ладонь.

На видео снаряды продолжали падать, волны белого света распространялись быстрее скорости звука, беззвучно поглощая всю базу. В то же время под воздействием биочипа очертания мехов позади них, здания в отдалении, дорога под ногами... всё исчезло. Силуэты людей искажались и растягивались, их кожа становилась зернистой, будто песок; единое дуновение ветра — и они развеялись, словно горсть пыли, оставив по себе лишь застывшие в ошеломлении скелеты.

Казалось, крики ужаса потрясли даже застывшую в небе энергобашню.

Затем изображение потонуло в безбрежном море белого света — и экран померк; на нём распустился цветок лотоса — стандартная заставка спящего режима. Энергетическая система, выжатая досуха высокотратными лучевыми пушками, сверхмощной защитной стеной и мультимедийным экраном, пару раз горестно взывала и объявила о перегрузке; за исключением центральных источников энергии станции мехов, электричество отрубилось по всей базе.

Станция погрузилась в безмолвие. Её жалкие обитатели так и застыли, вытаращив глаза — коленопреклонённые или удержавшиеся на ногах — не в силах вырваться из бездны кошмара.

Пусть Лу Бисин уже пользовался биочипом в этих целях, ему не доводилось одурманивать такое количество людей разом. Мозг прошла резкая боль и он, поддавшись упадку сил, был вынужден прислониться к стене.

— Это... что это сейчас было? — обалдело воззрился на него Суббота.

— Голографический ужастик. — Лу Бисин сложил пистолет из большого и указательного пальцев и, словно дурачась с ребёнком, приставил «дуло» к его лбу. Затем он стёр со своего лба выступивший холодный пот и прикончил остатки супа.

— Шучу, на самом деле это никакой не фильм. Это — последняя видеозапись с планеты Пекин после внезапного нападения — её переслали с низкоорбитальной станции защиты, когда они просили помощи у Лиги. Я забрал его с вашей заброшенной станции снабжения.

Ещё не отошедший от шока Суббота оторопело закивал и машинально двинулся на улицу вслед за Лу Бисином. Какое-то время спустя он, что-то вспомнив, пробормотал еле слышно, будто обращаясь к самому себе:

— А зачем ты сохранил эту запись?

Лу Бисин не ответил, и Суббота подумал, что тот попросту не расслышал его. В этот миг он отчего-то ощутил перед спутником необъяснимый страх, и потому не отважился повторить свой вопрос.

Лишь когда они вышли на платформу стоянки мехов, так что их глазам предстала впавшая в ступор процессия мятежников, Лу Бисин замедлил шаг и с потерянным видом [2] ответил:

— Потому что я жил на Пекине.

[2] С потерянным видом — в оригинале 前不巴村,后不罩店 — вариант идиомы 前不巴村,后不罩店 (qián bù bā cūn,hòu bù zhào diàn) — в пер. с кит. «впереди не маячит селение, и пристанища нет позади», обр. в знач. «в забытом месте, в глуши», «некуда преклонить голову», а также «оказаться в неловком положении», «не на кого опереться».

Суббота вскинул голову.

— Благодаря инвестициям я получил на Пекине статус резидента и прожил там немало лет. Эти деньги я вложил в основание академии «Синхай», в которую мне удалось набрать сколько-то бестолковых сорванцов. В этом году в первый же день занятий все профессора в едином гневно порыве взяли да уволились. Так что у меня на Пекине осталось много учеников, и ещё немало друзей... — Лу Бисин уставил прямо перед собой ничего не выражающий взгляд — на его лицо падал слабый отсвет энергобашни. Пару мгновений он так и простоял, будто в забытьи, а затем легонько встряхнул головой и вновь обратился к Субботе:

— А ты что думал, я тоже какой-то космический бродяга?

Суббота попросту лишился дара речи. Он успел прослышать, что в составе этой группки пришельцев имеется торговец оружием по прозванию Одноглазый ястреб, у которого Сестрица-Вонючка разжился мехами, но только и всего; что же до того, что это за человек, откуда он родом, а также почему пустился в странствие по галактике... поскольку Суббота не выходил в открытый космос вместе с эскадрой Сестрицы-Вонючки, равно как не имел иной возможности столкнуться с Одноглазым Ястребом, обо всём этом он не имел ни малейшего понятия.

Поэтому он принял как само собой разумеющееся, что Лу Бисин и его спутники — такие же бесприютные космические скитальцы, которым во всей Вселенной негде приклонить голову, как и те, кого «подобрал» Сестрица-Вонючка.

Суббота медленно раскрыл рот и, запинаясь, начал:

— Я... только что сказал тебе... в той мастерской... что...

Там он походя сболтнул Лу Бисину, что, когда контрабандисты на подпольном маршруте почуяли неладное, они дружно решили держать язык за зубами, не удосужившись предупредить кого-либо о нависшей над ними угрозе.

Лу Бисин глянул на него, склонив голову набок:

— А... Я же знаю, что ты не хотел, чтобы так вышло. Только что ты забрался на стену и влез в окно, лишь чтобы принести мне завтрак.

Суббота по-прежнему не знал, что сказать.

Удивительно, насколько легко открытый и дружелюбный человек сближается с незнакомцем, начиная считать его своим другом — и при этом, не задумываясь, разделяет его ненависть, его страдания... похоже, этот молодой человек сам не сознавал, что совсем недавно тот, кто стоит перед ним, был для него обычным чужаком, о котором легко сказать: «Сдохнет — туда ему и дорога!»

— Коли мы оба это знаем, будь добр, не проговоришься при моих студентах. — Лу Бисин попробовал было подключиться к без того расстроенному звуковому оборудованию базы, но его питание накрылось окончательно и бесповоротно, так что пришлось ему прочистить горло и выйти к толпе самолично:

— Только что я использовал для отладки системы мультимедийного вещания свой персональный терминал и случайно запустил на нём документальное видео недавней бомбардировки Пекина-В космическими пиратами. Прошу прощения, что по неосторожности напугал уважаемых господ.

Деморализованный Отряд самообороны не издал в ответ ни звука, кроме шумного дыхания: стоило перед ними появиться человеку, ещё способному к осмысленной речи, как он мигом притянул к себе всеобщее внимание.

Один из членов Отряда самообороны, что чуть не тронулся умом со страху, принялся с такой силой молотить кулаком по стене, что на ней остался кровавый след. Стремительным до неуловимости движением Лу Бисин прихватил его за запястье; поскольку преумноженная биочипом сила значительно превосходила человеческую, мужчина тут же заорал «Ой-ёй-ёй!» и принялся вырываться, однако его правая рука застыла в воздухе, словно влитая.

— Послушай. — Лу Бисин склонился, чтобы заглянуть ему в глаза, а затем отчётливо повторил, замедлив голос: — Послушай. Меня.

Глаза вопящего мужчины распахнулись; какое-то время спустя его зрачки будто бы слегка расширились, и он застыл под воздействием этого невозмутимого, будто скала, голоса.

— Во-первых, вы уже купили партию этих мехов. Если уж что-то не удалось предотвратить, то бесполезно сокрушаться об этом после того, как всё случилось. Взгляните на ваши мехи и арсенал — вы уже являете собой вооружённую группировку, желаете вы это признавать или нет. Во-вторых, даже не думайте о том, чтобы подорвать ваш ангар с мехами. — Заметив слабый проблеск сознания в глазах разбившего кулак мужчины, Лу Бисин наконец отпустил его, медленно выпрямился и продолжил: — Эти мехи предназначены для военных действий — даже если вы будете круглый день палить по ним из лазерных пушек, лишь обдерёте лаковое покрытие — и только. Чтобы уничтожить их, вам понадобятся тяжёлые космические пушки, к тому же в момент взрыва они вызовут чудовищные энергетические флуктуации, ну а от обломков вы и вовсе избавиться не сможете. И это не говоря о том, что одномоментное уничтожение всех мехов на станции вызовет выброс энергии такой силы, что космические пираты мигом слетятся к вам на огонёк со всей Восьмой галактики. Ну а в-третьих — позвольте преподать уважаемым господам урок истории. — Лу Бисин обвёл взглядом внимающую ему толпу: мужчин и женщин, старых и молодых — на всех залитых слезами лицах лежала печать невежества и ничтожности. — Причиной, благодаря которой армии Лиги удалось вышвырнуть гвардию принца Кэли из Восьмой галактики, стало то, что он выпустил из виду «кротовую нору» контрабандистов. Арес Фон, безусловно, сумасшедший, но отнюдь не идиот, так что не совершит дважды ту же ошибку. Окончательно подчинив Восьмую галактику своей власти, он прежде всего озаботится тем, чтобы раз и навсегда зачистить подпольные маршруты как в пределах галактики, так и вне её, так что день, когда вы, «подпольная вооружённая группировка» будете раскрыты, уже не за горами.

У ног Лу Бисина здоровенный детина с пышными бакенбардами втянул голову в плечи, стиснув в пальцах подвеску на шее. При последних словах он оглушительно высморкался, издав подобный огромной раковине трубный звук. Лу Бисин сочувственно похлопал его по спине: — Если будете вести себя так же, когда этот час настанет, точно умрёте.

Его слова расходились по толпе будто невидимые волны, и какое-то время спустя морально раздавленные люди постепенно начали подниматься с колен.

— Позвольте напоследок сказать вам ещё кое-что, — обратился к ним Лу Бисин. — Я не хочу,

чтобы вы встретили такой конец. А потому завтра наденьте свою форму Отряда самообороны и найдите меня в доке мехов, хорошо?

Никто из собравшихся по-прежнему не произнёс ни слова, никто не отозвался на его призыв — но никто больше не требовал подать им Сестрицу-Вонючку, чтобы свести с ним счёты, никто не поднял его на смех. Лица первых поднявшихся на ноги людей закаменели — то ли они смирились с судьбой, то ли утратили волю к жизни вместе с надеждой.

Придерживаясь за стены, они молча удалялись, один за другим.

Хныкающий «Трубач [3]» также попытался встать, но ноги подвели его, и он хлопнулся на землю. Он вновь шумно высморкался, причём вид у него стал ещё более жалкий, стиснул шнурок с подвеской и потерянно произнёс:

— Мама.

— Это вы мне? — скользнул по нему взглядом Лу Бисин.

Вспыхнув от стыда и негодования, «Трубач» продолжал всхлипывать, не в силах выдавить ни слова.

[3] «Трубач» — в оригинале 螺 (hǎilú) — моллюск *Turbinella pigum* — турбинелла груша, кубаревик грушевидный, или священный чанк — вид крупных (высота раковины — от 9 до 29 см.) брюхоногих моллюсков с тяжёлой завитой раковинной, последний оборот которой расширен, сифональный вырост прямой или слегка изогнутый, длинный, с широким каналом. Обитает в Индийском океане.

Расширенное примечание см. в конце главы

Осторожно протянув руку, Лу Бисин подхватил его подвеску — его глазам предстала хрустальная колба восьми сантиметров в длину, однако на массивной шее этого достойного господина она казалась изящной подвеской на цепочке.

Протерев запотевший хрусталь, Лу Бисин разглядел внутри какие-то беловато-серые частицы — и обомлел. Бережно держа колбу обеими ладонями, он возвратил её на прежнее место.

— Тётушка... Братец, как к тебе обращаться?

— Меня зовут... зовут... ик...

— Его зовут Выходной, — вмешался стоящий сбоку Суббота. — Изначально его звали Воскресенье, потому что его подобрали в этот день, но из-за того, что всем казалось, будто это странно звучит [4], имя сменили на Выходной.

[4] Изначально его звали Воскресенье... но из-за того, что всем казалось, будто это странно звучит — в оригинале «из-за того, что всем казалось, будто это звучит как брань/проклятие» — возможно, дело в том, что звучание 咒 (zhòurì) — воскресенье — звучит отдалённо похоже на 咒人 (zhòu rén) — «проклинать людей».

Лу Бисин попросту не находил слов.

В то время как члены парламента Лиги как на подбор щеголяли трёхсложными именами, имена обитателей Восьмой галактики отличались прямо-таки пугающей непосредственностью.

Выходной продолжал тихонько всхлипывать:

— Я вовсе не какой-то маменькин сынок... Просто я... я... почему-то мне вдруг так стало её не хватать... Моя мама сбежала за границу и заработала там уйму денег... ик... а потом на неё напали космические пираты. Она водила торговое судно, замаскированное под мех, и запихнула меня в спасательную капсулу, доставившую меня обратно на станцию, а сама... у-у... у меня даже косточки её не осталось, здесь — кролики, которых она разводила...

Лу Бисин, который только что имел честь познакомиться с Матушкой Кроль, не знал, что и сказать на это.

Поддёрнув штаны, он уселся на землю рядом с ним, вытянув ноги.

— Я тоже скучаю по своей маме. Вот только мне повезло ещё меньше, чем тебе, ведь я её ни разу в жизни не видел — только с дюжину видео... Она делала их с того дня, как забеременела, то по одному в день, то по несколько. Должно быть, она была преподавателем — судя по всему, у неё было с избытком свободного времени, зато почти не было денег. Каждый день она брюзжала на своих недалёких студентов, жалуясь, что они тупее искусственного интеллекта... Больше мне папа ничего рассказывать не желает. Я тайком от него пытался разведать, в каком учебном заведении Восьмой галактики она работала, но так ничего и не нашёл — наверно, это была какая-то нелегальная лавочка, клепающая бутафорские дипломы...

Сгорбившийся, словно сидящий на земле гималайский медведь, Выходной внезапно икнул сквозь слёзы:

— Как она умерла?

— У нашей семьи были враги, и они гнались за ней, чтобы убить. Папа рассказывал, что меня вырезали у неё из живота. Он говорил, что она крепко сжимала его и после смерти. Я...

Он не успел закончить, поскольку поблизости раздался рёв Одноглазого Ястреба:

— Лу Бисин! Ах ты чёртов щенок!

«Влип...» — пронеслось в голове у Лу Бисина. Отговоркой, что он якобы случайно запустил не тот ролик, можно было одурачить разве что тёмных обитателей станции — но уж точно не его старика-отца, который прекрасно знал о биочипе.

Не успел он обернуться, как его вздёрнули в воздух, ухватив за шкуру, так что ворот врезался в шею. Лицо Линь Цзинхэна побледнело как полотно, даже губы побелели; удерживая Лу Бисина на весу, он отвесил ему пощёчину.

Слыша, как он похрустывает суставами пальцев, Лу Бисин хотел было сжаться, обхватив голову руками, но тут вспомнил, что нынче у него медная кожа и железные кости, так что убрал руки и воззрился на Линь Цзинхэна немигающим взглядом:

— И что?..

Одноглазый Ястреб, который только что орал на него, кляня последними словами, при виде этого тут же схватился за пушку:

— Эй, ты, по фамилии Линь, ты что творишь? Да как ты смеешь!

Линь Цзинхэн прошипел сквозь стиснутые зубы:

— Ты же знаешь...

«Ты же знаешь, как она отчаянно пыталась забиться в любую щель, когда за ней гнались по пятам, как из последних сил защищала тебя до самой смерти».

«Ты же знаешь, что тебя чудом вернули к жизни».

Но ничего из этого он не мог высказать вслух.

Ведь он сам решил оставить все эти дела прошлого пылиться в базе данных Чжаньлу, скрыв их от этого человека.

Он медленно опустил руку, позволив подбежавшему Одноглазому Ястребу оттащить сына.

В то же мгновение Лу Бисин заметил, как дрожит рука Линь Цзинхэна. Его сердце болезненно забилось и, не успев сообразить, он уже протянул руку, чтобы схватить его за рукав.

Линь Цзинхэн увернулся, не удостоив его взглядом.

Подбежавший к ним Чжаньлу кивнул и без лишних слов ухватил Лу Бисина за локоть.

— Ректор Лу, медицинская аппаратура уже готова, прошу, пройдите за мной.

Взгляд Лу Бисина не отрывался от спины Линь Цзинхэна.

— Ох, погоди ты, — бросил он, пытаясь высвободиться.

— Поскольку я являюсь искусственным интеллектом меха, — серьёзно поведал Чжаньлу, — моё тело состоит из специальных деформируемых материалов, каждый грамм которых обошёлся Первой галактике Лиги в шесть миллионов.

Лу Бисин тут же вскинул руки, не осмеливаясь даже дышать из опасения, что, не сдержав свою новоявленную силу, может запятнать капелькой слюны хоть единственный драгоценный волосок на теле Чжаньлу.

Лично надзирая за работой медицинских роботов, Чжаньлу в два счёта [5] извлёк биочип. Опустив окровавленный чип на поднос, он поднёс его к глазам ослабевшего Лу Бисина и методично зачитал:

— Вы же сознаёте все последствия использования и природу привыкания к этому «опиумному чипу», и всё равно прибегли к нему второй раз. Согласно моей оценке, вы уже достигли первой стадии зависимости, и в соответствии с установлениями Системы контроля общественного порядка Лиги в течение некоторого времени вам предстоит находиться под наблюдением.

[5] В два счёта — в оригинале 三下五除二 (sān xià wǔ chú èr) — в пер. с кит. «чтобы получить три, надо сначала положить пять косточек, а затем скинуть две» — происходит из операций на китайских счётах.

— Не надо, я... — вмешался было Лу Бисин.

На его глазах Чжаньлу взял чип с подноса; раздался треск и от сгоревшей микросхемы поднялся завиток белого дыма.

— Обследование показало, что ваши черепно-мозговые нервы подверглись чрезмерной нагрузке. Чтобы избежать негативных последствий, таких как мигрени и хроническая тревога, вам потребуется укол седативного препарата.

Едва отзвучали эти слова, Чжаньлу, не дожидаясь реакции Лу Бисина, всадил ему в шею иглу шприца. Тот не успел даже пикнуть — перед глазами всё потемнело, и Лу Бисин провалился в блаженное забытё.

Когда он очнулся, уже настал новый день; обратный отсчёт оставшихся станции дней сдвинулся ещё на одно деление.

Поднявшись с кровати, Лу Бисин вытянул шею и убедился, что в гостиной его караулит Одноглазый Ястреб — раскинув руки и ноги, он похрапывал на диване. Бесшумно прикрыв дверь спальни, Лу Бисин вылез из окна и направился на поиски Линь Цзинхэна, чтобы поквитаться за ту пощёчину — иначе зрелище его дрожащей руки будет преследовать его вечно.

Однако выяснилось, что Линь Цзинхэн за ночь уже покончил с планом ремонта трёхъядерки, запустил процесс и удалился, прихватив с собой Чжаньлу.

Ему нужно было как можно быстрее составить военные карты подпольного маршрута.

Лу Бисину ничего не оставалось, кроме как развернуться и отправиться на стоянку мехов.

Однако, не считая четырёх студентов, которые со смущённым видом мялись с невыполненным домашним заданием в руках, там его никто не ждал.

До истечения назначенного ему срока оставалось ещё семьдесят девять дней, однако эти люди своими действиями уже дали понять, что их станция обречена.

Примечания переводчиков:

[3] «Трубач» — в оригинале 螺 (hǎiluó) — моллюск *Turbinella pirum* — турбинелла груша, кубаревик грушевидный, или священный чанк — вид крупных (высота раковины — от 9 до 29 см.) брюхоногих моллюсков с тяжёлой завитой раковиной, последний оборот которой расширен, сифональный вырост прямой или слегка изогнутый, длинный, с широким каналом. Обитает в Индийском океане.

Из раковины моллюска изготавливается шанкха — ритуальный предмет в индуизме и буддизме, атрибут Вишну и символ первичного звука, дыхания Брахмы, из которого возникла Вселенная, также является символом плодородия. Священная раковина защищает владельца от зла и сглаза, помогает бороться с демонами, наделяет силой и призывает божественное вмешательство. Кончик раковины отпиливается, чтобы создать мундштук, закручивающийся вправо поток воздуха создаёт звуковой символ первичного дыхания. В конх из шанкхи трубят в ходе индуистских храмовых или домашних ритуалов, ряд общин использует её во время свадебных ритуалов, считается, что звуковые вибрации при этом изгоняют злых духов. В некоторых деревнях Северной Индии в раковину трубят для объявления смерти. В прошлом конх использовали на поле боя для созыва войск и оповещения о начале битвы.

Правозакрученная разновидность шанкхи (Dakshinavarti Shankha) используется в ритуалах, связанных с богом Вишну, её звук символизирует чистоту, процветание и духовную силу. Левозакрученная разновидность шанкхи (Vamavarti Shankha) встречается гораздо реже, в некоторых традициях ассоциируется с богиней Лакшми, женской энергией (шакти), считается символом богатства и удачи.

<http://bllate.org/book/17449/1631092>